

Ценности и их носители

Горнее и дольнее в системе ценностей верующих: результаты апробации методики

Дивисенко Константин Сергеевич –
кандидат социологических наук,
старший научный сотрудник,
Социологический институт РАН, Санкт-Петербург

E-mail: k.divisenko@socinst.ru

Горнее и дальнее в системе ценностей верующих: результаты апробации методики

DOI: 10.19181/vis.2017.21.2.459

Аннотация. В статье¹ представлено описание методики, позволяющей выявить соответствие ценностных ориентаций верующих людей существенным христианским ценностям как компонентам религиозной культуры. Представлен краткий обзор эмпирических исследований ценностной сферы верующих, а также методик, ориентированных на анализ различных компонентов религиозного сознания и поведения. Как правило, эмпирические исследования объединяет то обстоятельство, что в них изучаются универсальные ценностные категории, а не собственно религиозные. В предложенном методическом решении для анализа аксиосферы верующих выделяются два измерения: «горнее» (христианские ценности) и «дальнее» (ценности мирской, светской жизни). Опросник состоит из десяти пунктов, относящихся к двум субшкалам. Проведённое исследование на двух группах верующих, относящих себя к православию и протестантизму, показало высокий уровень значимости христианских ценностей и относительно низкое значение мирских. Апробация методики также позволила выявить, что в более воцерковлённой подгруппе православных верующих, выделенной по критерию религиозного поведения, значимость христианских ценностей достоверно выше, а мирских ниже, чем в более слабой подгруппе. Данное обнаружение позволяет говорить о том, что на ценности как компонент религиозного сознания влияет степень воцерковлённости. Принципиальных различий в ценностных ориентациях у православных и протестантов не обнаружено, что свидетельствует о возможности использования методики для христиан, независимо от их конфессиональной принадлежности. Разработанная методика может быть использована в различных исследовательских и диагностических целях как шкала, характеризующая особенности религиозного сознания верующих, их ценностных ориентаций относительно основных категорий христианской жизни.

Ключевые слова: религиозные ценности, православие, протестантизм, индекс воцерковлённости (В-индекс), религиозное поведение, религиозное сознание

¹ Статья подготовлена в рамках реализации научно-исследовательского проекта «Жизненный мир верующих: теоретико-методологические аспекты исследования индивидуальной духовности и религиозности» (Грант Президента РФ. Конкурс 2015 г. по государственной поддержке молодых российских учёных-кандидатов наук. № МК-6693.2015.6).

Проблематика изучения ценностей в социологии является одной из традиционных тем, связанных с анализом культурной обусловленности социальных процессов и факторов, которые оказывают влияние на социальное взаимодействие. Ценности являются не только «важным креативным источником личности» [Баева 2005: 5], но и основой социальных коллективных действий [Актуализированные ценности... 2015: 8]. Особую актуальность изучение ценностной сферы обретает в те моменты исторического времени, когда общество переживает значительные социокультурные изменения, приводящие к смене одних ценностных приоритетов другими.

Ценности и религиозность как предмет исследования

Известный социальный теоретик Эндрю Сэйер отмечает, что ценности – это седиментированные оценки, ставшие установками, которые рассматриваются людьми в качестве правильных. Ценности носят «рекурсивный» характер: они формируются на основе отдельных оценок, имеющих место в повседневном опыте, а также оказывают опережающее влияние на последующие действия. Отличие ценностей от предпочтений и склонностей заключается в том, что первые в большей степени отрефлексированы людьми. Осознанность также оказывается одной из причин того, что наши «исповедуемые» ценности отличаются от тех ценностей, в соответствии с которыми мы поступаем [Sayer 2011: 25–26]. Эта особенность ценностной сферы порождает существенные методологические трудности для её изучения, поскольку опросный инструментарий работает преимущественно с «исповедуемыми» ценностями, а изучение «ценностей в действии», как это осуществляется в этнометодологических опытах, сопряжено с рядом практических и этических проблем.

При достаточно большом числе исследований, посвящённых анализу различных аспектов ценностной сферы, можно отметить, что изучению религиозных ценностей в отечественной науке уделяется значительно меньше внимания. Тем не менее, в последнее годы активно изучались различные аспекты ценностной сферы верующих людей [Синелина 2009; Сенюткина, Шиманская 2015; Пруцкова 2016]. Религиозные ценности верующих рассматриваются в контексте экономического поведения [Ефремова, Лепшокова 2010], политических и электоральных предпочтений россиян [Богачёв 2016]. Поднимается проблема связи ценностей и установок с другими элементами религиозного сознания, а также с поведением верующих людей [Богатова 2014]. В этом же ключе

Ценности – это седиментированные оценки, ставшие установками, которые рассматриваются людьми в качестве правильных.

осуществлено сравнительное исследование ценностей студентов светского и религиозного вуза на предмет соответствия декларируемых ценностей поведению [Далгатов и др. 2011]. Анализируется влияние религиозности на социальные отношения и субъективное благополучие [Лебедева, Татарко 2010; Шамионов 2014; Клинецкая 2015].

Психологические исследования аксиосферы верующих ориентированы на выявление связи между религиозностью и другими чертами личности [Гумницкий 2013]. Показано, что индивидуальная аксиосфера имеет более высокую степень дифференциации у людей с нормативными показателями агрессивности, и, напротив, более высокая степень агрессивности коррелирует с более простым пониманием религиозных ценностей [Долганов 2014]. В одном из исследований православной молодёжи выявлены гендерные особенности ценностей, связанные с ощущением контроля над собственной жизнью [Двойнин, Данилова 2012]. Для анализа базовых ценностей в связи с религиозностью используются методики Г. Хофстеде и Ш. Шварца [Шорохова и др. 2016; Хухлаев, Шорохова 2016].

Разработанные отечественными и зарубежными учёными методики изучения религиозности, как правило, связаны с многомерным подходом, несмотря на то, что данный методологический принцип имеет определённые ограничения [Бабич, Хоменко 2013]. Так, в тесте для определения структуры индивидуальной религиозности предусмотрено восемь субшкал: склонность к идеалистической философии; отношение к магии; поиск в религии поддержки и утешения; внешние признаки религиозности; интерес к «псевдонауке»; вера в Творца; религиозное самосознание; отношение к религии как образцу моральных норм поведения [Мягков, Щербаков 1996]. В другой методике, предложенной О. В. Сучковой, религиозность рассматривается как сложное социально-психологическое свойство личности, измерение которого осуществляется по двум субшкалам: конфессиональные верования и нравственные нормы [Сучкова 2008]. Следует отметить, что в этих и других психологических методиках анализа индивидуальной религиозности и духовности не уделяется особого внимания ценностному измерению [Шемет 2012, Смирнов 2001].

В отечественной социологии религии наиболее известна методика В. Ф. Чесноковой, ориентированная на анализ ценностных представлений и жизненных ориентиров [Чеснокова 2005]. Каждая из четырёх субшкал: «жизнелюбие (миролюбие, любовь к себе как земному существу)», «индивидуализм саморазвития», «включённость в человеческие отношения» и «любовь к Богу (религиозность)», состоит из четырёх переменных. Две субшкалы («жизнелюбие» и «религиозность») образуют ось ценностной направленности человека на христи-

анские либо земные, нерелигиозные ценности. Оставшиеся две субшкалы («индивидуализм саморазвития», «включённость в человеческие отношения») образуют второй континуум – ориентированность на собственный внутренний мир либо на социальность.

Среди зарубежных методик изучения религиозных ценностей следует отметить Шкалу христианских моральных ценностей (Christian Moral Values Scale), предложенную Джоном Гриром и Лесли Френсисом [Greer, Francis 1990]. Шкала состоит из десяти пунктов, характеризующих отдельные формы поведения, которые противоречат христианской морали: азартные игры, употребление алкоголя, пьянство, воровство, употребление наркотиков, сексуальные отношения до брака, искусственное прерывание беременности, использование противозачаточных средств, самоубийство, развод. Респондентам предлагается оценить данные формы поведения по пятибалльной шкале: «всегда неправильно», «как правило, неправильно, но простительно при определённых обстоятельствах», «сложно сказать (undecided)», «обычно простительно, но иногда неправильно», «никогда неправильно». Заметим, что в методике используется не прямой вопрос о значимых христианских ценностях, а косвенный – выясняется отношение респондентов к таким формам поведения, которые осуждаются традиционной христианской моралью.

Исследования религиозных ценностей, как правило, объединяет то обстоятельство, что в них изучаются универсальные ценностные категории, а собственно религиозные и, тем более, узкоконфессиональные остаются вне фокуса исследования.

На наш взгляд, данная проблематика заслуживает пристального изучения, поскольку в последние годы зафиксированы стабилизовавшиеся количественные характеристики религиозности людей и лишь небольшое увеличение доли воцерковлённых [Синелина 2013: 81; Мчедлова 2012: 17–18], что позволяет выдвинуть предположение о происходящих качественных изменениях в сознании верующих, в том числе и в ценностной системе.

Для анализа ценностной сферы верующих актуальной остаётся проблема критерия религиозности, поскольку использование мягких критериев (например, такого, как самоидентификация) приводит к выделению аморфной группы верующих, чьё мировоззрение принципиальным образом не отличается от мировоззрения нерелигиозных людей. В наших предыдущих публикациях было показано, что необходимым и достаточным индикатором религиозности является религиозное поведение [Дивисенко 2016]. Выявлено, что у людей, выполняющих религиозные практики более часто, религиозное сознание менее противоречно и эклектично. В настоящей статье мы постараемся проиллюстрировать это положение, рассмотрев

Исследования религиозных ценностей, как правило, объединяет то обстоятельство, что в них изучаются универсальные ценностные категории, а собственно религиозные и, тем более, узкоконфессиональные остаются вне фокуса исследования.

такой компонент религиозного сознания, как христианские ценности в группах, различающихся конфессиональной принадлежностью верующих и степенью их воцерковлённости.

Методика исследования

На основе анализа существующих методик измерения религиозных ценностей и опыта собственных исследований нами были выделены десять пунктов, которые, по нашему мнению, должны были бы составить две шкалы. Назовём их условно «горнее» и «долнее». Шкала «горнее» (ШГ) состоит из пяти пунктов, которые представляют собой формулировки, близкие основным христианским заповедям, нравственным нормам:

- Чем меньше нужно человеку материальных благ в этом мире, тем он свободнее.
- Я стремлюсь воспитывать в себе смирение, любовь к ближним, умение прощать врагов.
- Страдания нужно переносить с надеждой и терпением, поскольку они нас очищают для вечной жизни.
- Ходить перед Богом, чувствовать Его рядом с собой – всё остальное не имеет значения.
- Мне хотелось бы всё переносить без жалоб и ропота.

Другие пять утверждений характеризуют устремлённость людей к иным идеалам – ценностям мирской, светской жизни. Эти пункты составляют вторую шкалу – «долнее» (ШД). Данные ценностные ориентиры не рассматриваются как противоположные «горнему», они выражают иную систему координат. Формулировки ШД связаны с категориями, которые сопряжены с ценностями «мира сего» – гедонизм, тщеславие, власть, неумеренное стремление к материальному богатству:

- Материальное благосостояние человека – основа его независимости и самоуважения.
- Благодаря моей вере мне удаётся достичь финансовой независимости.
- Человеку нужно добиваться успехов в профессии, заботиться о карьере.
- Для меня важно добиваться того, чтобы люди прислушивались к моему мнению.
- Земная жизнь коротка – нужно постараться насладиться ею.

В анкете десять пунктов двух шкал были представлены в случайном порядке. Общий вопрос, относящийся ко всем пунктам, был сформулирован следующим образом: «Прочитайте, пожалуйста, внимательно следующие утверждения и постарайтесь ответить, насколько Вы согласны с каждым из них». Напротив каждой формулировки респондент мог отметить только один вариант ответа, выражающий степень согласия: «Скорее да», «Трудно сказать» и «Скорее нет».

Две шкалы (ШГ и ШД) позволяют выявить не только общий уровень значимости религиозных ценностей индивида, но и определить тип религиозности: 1) строго религиозный, в котором присутствуют максимальные значения по ШГ и минимальные по ШД, 2) нерелигиозный – противоположен первому (минимальные значения по ШГ и максимальные по ШД) и 3) смешанный, где в равной мере присутствуют горние и долние ценности.

Основные наши предположения, сформулированные на подготовительном этапе разработки методики, были связаны со следующими особенностями жизненного мира верующих людей. Можно предположить, что ценности как компонент религиозного сознания соотносятся с другими когнитивными элементами (знаниями и убеждениями), а также и с религиозным поведением. Эклектичность религиозного сознания у верующих, которая зачастую обнаруживается в исследованиях [Мчедлова 2015: 171; Безнюк 2006: 129], на наш взгляд, характерна для менее воцерковлённых групп людей. Следовательно, можно обнаружить более высокий уровень значимости христианских ценностей у людей, принадлежащих сильным группам верующих. Напротив, смешанный тип и превалирование мирских ценностей будет характерно для людей слабоцерковлённых. В качестве независимой переменной мы рассматриваем воцерковлённость (В-индекс) как интегральный показатель особенностей религиозного поведения. По нашему мнению, религиозное поведение и сознание детерминируют друг друга. Религиозная практика начинается с осознанного обращения, а регулярность практики оказывает влияние на становление различных компонентов религиозного сознания.

Можно также предположить, что уровень значимости христианских ценностей связан с общим религиозным стажем (числом лет, прошедших с момента начала сознательной церковной жизни).

Формулировки, используемые в нашей методике, не ориентированы на специфические конфессиональные особенности, поэтому в результатах не должно наблюдаться существенных различий в аксиоферах верующих православных и протестантов, хотя могут присутствовать некоторые нюансы.

Уровень значимости христианских ценностей связан с общим религиозным стажем (числом лет, прошедших с момента начала сознательной церковной жизни).

Православные верующие о своих ценностях

Эмпирические данные получены в ходе реализации полевого этапа исследования в 2013 г. (см. таблицу 1). В анкетном опросе (целевая выборка) приняли участие 154 респондента, относящих себя к православию и являющихся прихожанами ряда петербургских храмов, и 68 представителей протестантских (в том числе евангельских) церквей.

Таблица 1

Социально-демографические характеристики респондентов

Социально-демографические характеристики	Конфессия	
	Православие	Протестантизм
Пол		
Женский	113	34
Мужской	41	34
Средний возраст, лет		
Женщины	38,4	33,2
Мужчины	42,4	38,8
Уровень светского образования, %		
Общее или полное среднее	2,6	6,0
Средне-специальное	9,1	25,4
Неполное высшее	9,1	9,0
Высшее	72,1	43,3
Учёная степень	4,5	16,4

Вначале рассмотрим распределение ответов православных верующих на вопросы, касающиеся христианских ценностей (см. рис. 1).

Рис. 1. Распределение ответов на пункты ШГ, православные, %

Примечательно, что с тремя из пяти пунктов «я стремлюсь воспитывать в себе смирение...»¹, «мне хотелось бы всё переносить без жалоб и ропота» и «страдания нужно переносить с надеждой и терпением...» согласно большинство респондентов (91,6; 87,0 и 86,4% соответственно). Оставшиеся два пункта оказались несколько менее значимыми: «чем меньше нужно человеку материальных благ...» отметили 65,6% верующих, а «ходить перед Богом...» – только 48,0%. Такое распределение ответов не оказалось неожиданным, поскольку все респонденты являются верующими и в той или иной степени ориентированы на христианские ценности.

В распределении ответов на вопросы, касающиеся долних ценностей, следует заметить, что здесь выше «уровень неопределённости» – доля выбора варианта «трудно сказать» (в среднем 33 против 17% для пунктов ШГ). Как следует из диаграммы (см. рис. 2), наиболее неприемлем для христиан гедонизм («земная жизнь коротка – нужно постараться насладиться ею») и избыточное внимание к материальному («материальное благосостояние человека – основа его независимости и самоуважения», «благодаря моей вере мне удаётся достичь финансовой независимости»). По этим пунктам доля выбравших вариант «Скорее нет» составила соответственно 59,7; 58,4 и 53,2%.

Рис. 2. Распределение ответов на пункты ШД, православные, %

¹ Здесь и далее в основном приводятся сокращённые формулировки пунктов.

Построение шкал

С нашей точки зрения, ориентация человека на христианские ценности связана не только с выбором соответствующих суждений, но и должна подкрепляться отрицательными оценками противоположных (мирских ценностей). В силу этого положения ШГ и ШД строятся на всех десяти пунктах.

Для построения ШГ подсчитывается число ответов «Скорее да», относящихся к христианским ценностям, и суммируется с числом ответов «Скорее нет», отмеченных напротив мирских ценностей. Аналогично и ШД – суммируется число положительных ответов на вопросы, связанные с мирскими ценностями, и число отрицательных ответов на вопросы, отражающие христианские ценности. Значение каждой из шкал может колебаться от нуля до десяти (см. таблицу 2).

Таблица 2

Описательные статистики распределения ШГ и ШД

Меры среднего уровня	ШГ	ШД
Среднее	6,230	1,240
Медиана	0,600	1,000
Стандартное отклонение	2,070	1,420
Размах	9,000	9,000
Минимум	1,000	0,000
Максимум	10,00	9,000
Коэфф. асимметрии	-0,304	1,847
Станд. ош. асимметрии	0,197	0,197
Коэфф. эксцесса	-0,685	5,753
Станд. ош. эксцесса	0,391	0,391

Результаты дескриптивной статистики показали, что распределение ШГ близко к нормальному, а ШД смещено влево. Шкалы коррелируют на уровне $r^1 = -0,557$; $p = 0,000$. Статистически значимых различий для двух шкал по полу и возрасту (группы до 35 лет и от 35 лет и старше) не выявлено.

Связь религиозных ценностей с воцерковлённостью

Проведённое нами ранее тестирование методики В. Ф. Чесноковой «В-индекс» показало, что алгоритм, который применяется в ней для выделения различных групп верующих по степени их религиозности, ориентирован в первую очередь на массовые опросы, где респонденты могут быть как верующими,

¹ Здесь и далее r – коэффициент корреляции Пирсона, p – уровень статистической значимости, F – F-критерий Фишера.

относящимися к строго религиозному типу, так и слабоцерковлёнными людьми. Было также выявлено, что шкалы, используемые для построения В-индекса, характеризующие особенности религиозного поведения, позволяют достаточно чётко дифференцировать степень религиозности. Для работы с респондентами, относящимися к наиболее воцерковлённым группам верующих, классический алгоритм В-индекса не предназначен. В силу этого обстоятельства нами был предложен другой способ построения индекса воцерковлённости на тех же шкалах. Валидность этого алгоритма определяется связью индексного показателя с другими показателями, характеризующими религиозное сознание.

Для определения степени воцерковлённости (В-индекса) используются пять переменных: «частота посещения храма», «частота Причащения», «регулярность чтения текстов Священного Писания», «форма молитвы» и «церковный пост». Каждая из переменных изменяется по порядковой шкале, имеющей пять градаций. В соответствии с предложенным нами принципом «числа сильных ответов» [Дивисенко 2016], разделим весь массив на две группы. К первой, наиболее сильной, отнесём те случаи, где число «сильных ответов» не менее трёх, а ко второй – оставшиеся случаи. Если наше предположение о существовании связи между ценностями и религиозным поведением верно, оно подтвердится на таком группировании.

Дисперсионный анализ показал статистически значимые различия в средних значениях по ШГ и ШД для двух групп верующих ($F = 14,4$, $p = 0,000$ и $F = 7,14$, $p = 0,008$). Использование данного метода для ШД является не совсем корректным, поскольку нормальному распределению подчиняется только ШГ. Поэтому более подробно рассмотрим ответы респондентов двух групп по всем десяти пунктам (см. таблицы 3 и 4).

Таблица 3

**Распределение ответов православных верующих по ШГ
относительно степени воцерковлённости, %**

Пункт шкалы	Сильная группа (n=104)		Слабая группа (n=50)	
	Да	Нет	Да	Нет
Чем меньше нужно человеку материальных благ в этом мире, тем он свободнее	73	5	50	20
Я стремлюсь воспитывать в себе смирение, любовь к ближним, умение прощать врагов	93	2	88	4
Страдания нужно переносить с надеждой и терпением...	94	0	70	4
Ходить перед Богом, чувствовать Его рядом с собой – всё остальное не имеет значения	52	10	40	20
Мне хотелось бы всё переносить без жалоб и ропота	92	3	76	8

Как видим, в распределении вопросов о христианских ценностях доля ответов «Да» (согласие с утверждением) по всем пяти пунктам выше для первой группы; а доля ответов «Нет» по всем пунктам выше у второй группы.

Таблица 4

Распределение ответов православных верующих по ШД относительно степени воцерковлённости, %

Пункт шкалы	Сильная группа (n=104)		Слабая группа (n=50)	
	Да	Нет	Да	Нет
Материальное благосостояние человека – основа его независимости и самоуважения	5	66	18	42
Благодаря моей вере мне удаётся достичь финансовой независимости	11	54	12	52
Человеку нужно добиваться успехов в профессии, заботиться о карьере	34	28	40	28
Для меня важно добиваться того, чтобы люди прислушивались к моему мнению	24	45	20	42
Земная жизнь коротка – нужно постараться насладиться ею	10	69	18	40

В таблице 4, как и в предыдущей, отражена аналогичная тенденция, только в зеркальном отражении: доля респондентов, отметивших значимость дальних ценностей (вариант ответа «скорее да»), выше во второй группе, а в первой – выше доля ответов «скорее нет». Исключение составляет единственный пункт «Для меня важно добиваться того, чтобы люди прислушивались к моему мнению». Распределение же ответов, касающихся финансовой независимости и карьеры, в обеих группах сопоставимо.

Выявлено, что для людей, получивших образование на катехизаторских курсах, значимость христианских ценностей выше (7,04 против 6,08; $F = 4,5$, $p = 0,036$), а у людей, не принадлежащих конкретной общине, напротив, значения по ШГ ниже, чем у других (5,32 против 6,46; $F = 7,7$, $p = 0,006$).

При сопоставлении значимости христианских и мирских ценностей со стажем пребывания в церкви и с уровнем светского образования статистически значимых различий не было обнаружено.

Межконфессиональные особенности

Средние значения по ШГ у протестантов ниже, чем в сильной группе православных, и несколько выше, чем в слабой. Средние значения по ШД у протестантов также занимают промежуточное положение между двумя группами православных (см. таблицу 5). По ШГ достоверные различия обнаружены между двумя группами православных, а также

При сопоставлении значимости христианских и мирских ценностей со стажем пребывания в церкви и с уровнем светского образования статистически значимых различий не было обнаружено.

между сильной группой православных и протестантами. Значимые различия по ШД обнаружены только между двумя группами православных.

Таблица 5

Средние значения по ШГ и ШД, весь массив

Шкала	Меры среднего уровня	Православные		Протестанты (n=64)	Весь массив
		Сильная группа (n=104)	Слабая группа (n=50)		
ШГ	Среднее	6,65	5,35	5,42	6,00
	Станд. откл.	1,86	2,21	1,99	2,07
ШД	Среднее	1,03	1,67	1,52	1,32
	Станд. откл.	1,12	1,84	1,52	1,45

Касательно отдельных пунктов двух шкал для протестантов и православных респондентов в целом статистически значимые различия обнаруживаются только в одной позиции: «чем меньше нужно человеку материальных благ в этом мире, тем он свободнее». Своё согласие с данным утверждением выразили 65,6% православных и только 38,7% протестантов (распределение варианта ответа «нет» – 9,7 и 25,8% соответственно).

Заключение

Результаты исследования свидетельствуют о высокой значимости христианских и относительно низком значении мирских ценностей для верующих. Показано, что для строго религиозного типа православных верующих значимость христианских ценностей выше, чем для более слабой группы. Эта же особенность обнаружена и относительно дольных ценностей – их значимость находится в обратной зависимости от степени воцерковлённости.

Связи между ценностями и стажем церковной жизни (временем, прошедшим с момента первого сознательного участия в церковных таинствах) не обнаружено, хотя данный показатель можно рассматривать как характеризующий религиозное поведение. Данное обстоятельство, вероятно, объясняется тем, что на выбор религиозных ценностей в первую очередь оказывает влияние интенсивность участия в религиозных практиках в настоящее время, а не наличие их в прошлом.

Выявленная относительно высокая значимость мирских ценностей и низкая – христианских по отдельным пунктам шкал может рассматриваться как вполне соответствующая действительности: в сознании верующих религиозные ценности часто являются противоречивым и недоминирующим компонентом.

Результаты исследования свидетельствуют о высокой значимости христианских и относительно низком значении мирских ценностей для верующих.

В сознании верующих религиозные ценности часто являются противоречивым и недоминирующим компонентом.

щим компонентом. Сознание слабоцерковлённых людей, связанное с областью религии, духовности и экзистенциальной проблематики, является противоречивым и эклектичным. Так, в ряде эмпирических исследований выявлено, что не только некоторые люди, называющие себя православными, не верят в существование Бога, но и, наоборот, называющие себя атеистами, признают существование Бога или верят в реинкарнацию [Фёдорова 2015], а христианские ценности вполне сочетаются с мирскими [Двойнин, Данилова 2012].

В нашей методике использованы некоторые формулировки, предложенные В. Ф. Чесноковой, что позволяет сопоставить полученные результаты. Так, в сравнительном исследовании православных и мусульман мирские ценности («материальное благосостояние человека – основа его независимости» и «жизнь коротка, нужно успеть насладиться ею») у православных занимают 4 и 11 место в общей структуре ценностей (что соответствует месту этих пунктов по массиву в целом) [Синелина 2009]. Религиозные ценности («страдания нужно переносить терпеливо», «чем меньше нужно человеку благ в этом мире, тем он свободнее» и «ходить перед Богом, чувствовать его рядом с собой – всё остальное не имеет значения») оказались на 7, 14 и 16 местах соответственно (по массиву эти позиции заняли 8, 15 и 16 места). Обращает на себя внимание, что эти две христианские ценности занимают последние места в общей структуре. Обнаружилось отсутствие связи между ценностной системой верующих и религиозной самоидентификацией. В нашем же исследовании доля отметивших соответствующие христианские ценности в 2–3 раза выше (по доле выбравших соответствующие ценности), поскольку респонденты – воцерковлённые верующие. Таким образом, можно предположить, что обнаруживаемый «люфт» между самоидентификацией и ценностной сферой, а также слабое влияние религиозных ценностей и норм на повседневное поведение людей в различных социальных группах верующих [Тарасова 2014, Дубограй 2011], по нашему мнению, обусловлен использованием мягких критериев религиозности.

Проведённая апробация методики диагностики горних и дольных ценностей в аксиосфере верующих людей позволяет сделать ряд выводов методического характера.

Предложенное методическое решение позволяет выявить соответствие ценностных ориентаций верующих людей существенным христианским ценностям как компонентам религиозной культуры, которое может также рассматриваться как критерий религиозности [Лебедев 2005: 167]. Принципиальных различий в ценностных ориентациях православных и протестантов (в том числе представителей евангельского сообщества)

Обнаружилось отсутствие связи между ценностной системой верующих и религиозной самоидентификацией.

Принципиальных различий в ценностных ориентациях православных и протестантов (в том числе представителей евангельского сообщества) не обнаружено.

не обнаружено, что позволяет говорить о возможности использования предложенного методического решения не только на православной выборке.

В методике использовалась номинальная шкала для каждого пункта («Скорее да» и «Скорее нет») с возможностью выбрать вариант «Трудно сказать», который не учитывался при построении ШГ и ШД. Очевидно, что такое дихотомическое решение ограничивает возможности для альтернативных способов построения шкал и обчёта данных, но в то же время избавляет респондентов от необходимости «натянутого» ответа, когда выбор того или иного варианта осуществляется не в силу значимости ценности, а обусловлен методическим решением *tertium non datur*.

Относительно высокий уровень ответов «Трудно сказать» в пунктах, касающихся мирских ценностей, вероятно, требует коррекции формулировок отдельных позиций и апробирование альтернативных шкал, что может стать предметом дальнейшей работы.

Можно предположить, что горние и дольные ценности взаимно не исключают друг друга, то есть теоретически возможен смешанный тип ценностных ориентаций. Это требует дальнейшей эмпирической проверки на целевой выборке (слабовоцерковлённые люди и номинально верующие). Имеющиеся эмпирические данные не позволили выявить данный тип.

Предложенная методика может быть использована в различных исследовательских и диагностических целях как шкала, характеризующая направленность ценностных ориентаций верующих людей относительно христианских ценностей.

Библиографический список

Актуализированные ценности современного российского общества / Отв. ред. И. А. Халий. М.: Институт социологии РАН, 2015. 273 с.

Бабиц Н. С., Хоменко В. И. 2013. Логические и практические трудности многомерного подхода к измерению религиозности // Социологический журнал. № 2. С. 89–96.

Баева Л. В. 2005. Религиозные ценности: неклассический подход // Гуманитарные исследования. Астрахань: Астраханский государственный университет. № 4. С. 5–11.

Безнюк Д. К. 2006. Состояние и специфика современной религиозной ситуации в Беларуси // Социологические исследования. № 2. С. 128–135.

Богатова О. А. 2014. Секулярная религиозность в России: самоидентификация и социальные установки верующих (На примере Республики Мордовия) // Вестник Мордовского университета. № 3. С. 153–158.

Можно предположить, что горние и дольные ценности взаимно не исключают друг друга, то есть теоретически возможен смешанный тип ценностных ориентаций.

Богачёв М. И. 2016. Динамика политических предпочтений православных верующих в России // Власть. № 5. С. 146–150.

Гумницкий М. Е. 2013. Особенности ценностно-смысловой сферы личности молодых людей с разным уровнем выраженности религиозности // Учёные записки ЗабГУ. Серия: Педагогика и психология. № 5 (52). С. 72–78.

Далгатов М. М., Магомедова Н. Т., Асадулаева У. М., Гадисова И. А. 2011. Ценностные и смысложизненные ориентации студентов исламских и светских высших учебных заведений // Известия ДГПУ. Психолого-педагогические науки. № 3. С. 12–18.

Двойнин А. М., Данилова Г. И. 2012. Психологическое исследование религиозности современной православной молодежи // Вестник ПСТГУ. Серия 4: Педагогика. Психология. № 25. С. 131–137.

Дивисенко К. С. 2016. Тесным путём и в нужном направлении: проблема выявления сильной группы православных верующих // Социологические исследования. № 10. С. 128–138.

Долганов Д. Н. 2014. Семантические особенности религиозных представлений // Вестник ПСТГУ. Серия 4: Педагогика. Психология. № 3 (34). С. 110–121.

Дубограй Е. В. 2011. Религиозность военнослужащих Вооружённых сил России: духовные ценности и нормы поведения // Пространство и Время. № 3. С. 106–110.

Ефремова М. В., Лепшокова З. Х. 2010. Взаимосвязь ценностей и религиозной идентичности с экономическими установками и представлениями у представителей христианской и мусульманской конфессий // Альманах современной науки и образования. № 11. С. 19–26.

Клинецкая Н. В. 2015. Молодёжь, жизненный успех, религия (по материалам социологического исследования) // Научный результат. Серия: Социология и управление. № 3. С. 24–28.

Лебедев С. Д. 2005. Религиозность: в поисках «рубежона» // Социологический журнал. № 3. С. 153–168.

Лебедева Н. М., Татарко А. Н. 2010. Ценности и социальный капитал как основа социально-экономического развития // Journal of Institutional Studies. № 2. С. 17–34.

Мчедлова М. М. 2015. Влияние религии на ценностное сознание россиян // Российское общество и вызовы времени. Книга первая / М. К. Горшков [и др.]. Институт социологии РАН. М.: Весь Мир. С. 166–197.

Мчедлова М. М. 2012. Современные параметры возвращения религии: ракурсы проблемы // Вестник Института социологии. № 4. С. 10–24.

Мягков И. Ф., Щербатых Ю. В., Кравцова М. С. 1996. Психологический анализ уровня индивидуальной религиозности // Психологический журнал. Том 17. № 6. С. 120–122.

Пруцкова Е. В. 2016. Связь религиозности и базовых ценностей в России (по данным «Европейского социального исследования» и всероссийского исследования «ОртодоксМонитор») // XVII Апрельская международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества. URL: <https://conf.hse.ru/2016/program> [Дата посещения: 5.09.2016].

Сенюткина О. Н., Шиманская О. К. 2015. Религиозные ценности в социально-политической жизни России // Современная Европа. Журнал общественно-политических исследований. Июль-сентябрь. № 3 (63). С. 107–118.

Синелина Ю. Ю. 2013. Новые тенденции в религиозном сознании и поведении россиян // Вестник Московского университета. Сер. 18: Социология и политология. № 1. С. 76–82.

Синелина Ю. Ю. 2009. Православные и мусульмане: сравнительный анализ религиозного поведения и ценностных ориентаций // Социологические исследования. № 4. С. 89–95.

Смирнов Д. О. 2001. Религиозная активность в структуре интегральной индивидуальности: автореферат дис. ... канд. психолог. наук: 19.00.01 / Перм. гос. пед. ун-т. Пермь. 20 с.

Сучкова О. В. 2008. Методика изучения социально-психологического свойства личности «религиозность» // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Педагогика и психология. № 3. С. 136–146.

Тарасова Т. Т. 2014. Религиозность студенческой молодёжи крупного поликонфессионального города // Вестник Южного научного центра РАН. Том 10. № 4. С. 80–84.

Фёдорова М. В. 2015. Трансформация религиозных ценностей в современной молодёжной культуре // Инновационная наука. № 10. С. 49–55.

Хухлаев О. Е., Шорохова В. А. 2016. Социально-психологическое исследование религиозной идентичности у православной молодёжи // Социальная психология и общество. Том 7. № 2. С. 35–50. DOI: [10.17759/sps.2016070203](https://doi.org/10.17759/sps.2016070203).

Чеснокова В. Ф. 2005. Тесным путём: Процесс воцерковления населения России в конце XX века. М.: Академический проект. 304 с.

Шамионов Р. М. 2014. Групповые ценности и установки как предикторы психологического благополучия русских и казахов // Психологические исследования: электронный научный журнал. Т. 7. № 35. URL: <http://www.psystudy.ru/index.php/num/2014v7n35/999-shamionov35.html> [Дата посещения: 12.05.2017].

Шемяк И. С. 2012. Религиозность и духовность с позиции концепции интеграции психики // Современные проблемы науки и образования. № 5. URL: <http://www.science-education.ru/105-6934> [Дата посещения: 12.05.2017].

Шорохова В. А., Хухлаев О. Е., Дагбаева С. Б. 2016. Взаимосвязь ценностей и религиозной идентичности у школьников буддистского вероисповедания // Культурно-историческая психология. Т. 12. № 1. С. 66–75. DOI: [10.17759/chp.2016120107](https://doi.org/10.17759/chp.2016120107).

Greer J. E., Francis L. J. 1990. The Religious Profile of Pupils in Northern Ireland // Journal of Empirical Theology. Volume 3. Issue 2. P. 35–50. DOI: [10.1163/157092590X00110](https://doi.org/10.1163/157092590X00110).

Sayer R. A. 2011. Why Things Matter to People: Social Science, Values and Ethical Life. New York: Cambridge University Press. 296 p.

DOI: 10.19181/vis.2017.21.2.459

Divine and Terrestrial in the Value System of Religious People: The Results of Method Testing

Divisenko Konstantin Sergeevitch

Candidate of Sociology, Senior researcher, Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences, Saint-Petersburg, Russia. E-mail: k.divisenko@socinst.ru

Abstract. This article¹ presents a description of a method which allows determining whether the value orientations of religious folk are in compliance with significant Christian values as components of religious culture. Presented is a short overview of empirical studies of the value field of religious people, as well as methods aimed towards analyzing various components of religious consciousness and behavior. Usually empirical studies are united by the circumstance that they typically examine universal value categories, not just specifically religious ones. The provided methodical solution highlights two dimensions when it comes to analyzing the axiosphere: “divine” (Christian values) and “terrestrial” (mundane, secular life values). The questionnaire is comprised of ten items, divided into two sub-scales. The study conducted on two groups of religious folk – those who attribute themselves to orthodox and protestant faith – revealed a high level of importance for Christian values and a relatively low level of importance for mundane values. Testing the method also allowed establishing that the importance of Christian values for the more active church-goers in the subgroup of orthodox Christians, highlighted based on the religious behavior criterion, is certainly higher, while mundane values are less important, compared to the weaker sub-group. This discovery allows asserting that values as a component of religious consciousness are affected by the degree of church-going activity. No fundamental differences in the value orientations of orthodox and protestant Christians were discovered, which is a testament to the possibility of using this method on Christians regardless of their confessional affiliation. The developed method can be used for various examination and diagnostic purposes as a scale which characterizes peculiarities in the religious consciousness of religious folk, their value orientations when it comes to the main categories of Christian life.

Keywords: religious values, orthodox faith, Protestantism, church-going activity index (CGA-index), religious behavior, religious consciousness.

¹ The article was prepared within the framework of the research project “The Life World of Believers: Theoretical and Methodological Aspects of the Study of Individual Spirituality and Religiousness” (Grant of the President of the Russian Federation, the 2015 contest on state support for young Russian Ph.D. candidates No. МК-6693.2015.6).

References

Aktualizirovannye cennosti sovremennogo rossiyskogo obschestva [The updated values of modern Russian society]. Ed. by I. A. Khaliy. Moscow, IS RAS publ., 2015. 273 p.

Babich N. S., Homenko V. I. Logicheskie i prakticheskie trudnosti mnogomernogo podhoda k izmereniju religioznosti [Logical and practical difficulties of the multidimensional approach to the measurement of religiosity]. Sociologicheskyy zhurnal, 2013, no 2, pp. 89–96.

Baeva L. V. Religioznye cennosti: neklassichesky podhod [Religious Values: Non-classical Approach]. Gumanitarnye issledovaniya, 2005, no 4, pp. 5–11.

Bezniuk D. K. Sostojanie i specifika sovremennoy religioznoy situatsii v Belarusi [The State and Specifics of Current Religious Situation in Belarus]. Sociologicheskie issledovaniya, 2006, no 2, pp. 128–135.

Bogachiov M. I. Dinamika politicheskikh predpochteniy pravoslavnykh verujushchih v Rossii [Dynamics of Political Preferences of Orthodox Believers in Russia]. Vlast', 2016, no 5, pp. 146–150.

Bogatova O. A. Sekuliarnaja religioznost' v Rossii: samoidentifikatsiya i social'nye ustanovki verujushchih (Na primere Respubliki Mordovija) [Secular Religiosity in Russia: Self-identification and Social Attitudes of Believers (On the example of the Republic of Mordovia)]. Vestnik Mordovskogo universiteta, 2014, no 3, pp. 153–158.

Chesnokova V. F. Tesnym putiom: Process vocerkovleniya naselenija Rossii v konce XX veka [Strait gate: The Process of the Churching of the Russian Population of at the End of the Twentieth Century]. Moscow, Akademicheskyy proekt, 2005. 304 p.

Dalgatov M. M., Magomedova N. T., Asadulaeva U. M., Gadisova I. A. Cennostnye i smyslozhiznennye orientatsii studentov islamskikh i svetskikh vysshikh uchebnykh zavedeniy [Values and Meaningful Orientations of Students of Islamic and Secular Higher Educational Institutions]. Izvestija DGPU, Psichologo-pedagogicheskie nauki, 2011, no 3, pp. 12–18.

Divisenko K. S. Tesnym putiom i v nuzhnom napravlenii: problema vyjavlenija sil'noy gruppy pravoslavnykh verujushchih [Strait gate in a right direction: problem of recognizing strong group of Orthodox believers]. Sociologicheskie issledovaniya, 2016, no 10, pp. 128–138.

Dolganov D. N. Semanticheskie osobennosti religioznykh predstavleniy [Semantic Features of Religious Beliefs]. Vestnik PSTGU. Serija 4: Pedagogika. Psichologija, 2014, no 3 (34), pp. 110–121.

Dubogray E. V. Religioznost' voennosluzhaschih Vooruzhionnykh sil Rossii: duhovnye cennosti i normy povedenija [Religiosity of Russian Armed Forces Militaries: Moral Values and Norms of Behavior]. Prostranstvo i Vremya, 2011, no 3, pp. 106–110.

Dvoynin A. M., Danilova G. I. Psichologicheskoe issledovanie religioznosti sovremennoy pravoslavnoy molodiozhi [Psychological Research of Religiosity of Modern Orthodox Youth]. Vestnik PSTGU. Serija 4: Pedagogika. Psichologija, 2012, no 25, pp. 131–137.

Efremova M. V., Lepshokova Z. H. Vzaimosvjaz' cennostey i religioznoy identichnosti s ekonomicheskimi ustanovkami i predstavlenijami u predstaviteley hristianskoy i musul'manskoy konfessii [The Interconnection of Values and Religious Identity with Economic Attitudes and Perceptions among Representatives of the Christian and Muslim Faiths]. Al'manakh sovremennoy nauki i obrazovaniya, 2010, no 11, Part 2, pp. 19–26.

Fedorova M. V. Transformatsiya religioznykh cennostey v sovremennoy molodiozhnoy kul'ture [Transformation of Religious Values in Modern Youth Culture]. Innovacionnaja nauka, 2015, no 10, pp. 49–55.

Gumnicky M. E. Osobennosti cennostno-smyslovoy sfery lichnosti molodykh liudey s raznym urovnem vyrashennosti religioznosti [Features of the Value-Semantic Sphere of the Personality of Young People with Different levels of Religiousness]. Uchionye zapiski ZabGU. Serija: Pedagogika i psichologija, 2013, no 5 (52), pp. 72–78.

Huhlaev O. E., Shorohova V. A. Social'no-psihologicheskoe issledovanie religioznoy identichnosti u pravoslavnoy molodiozhi [Research on Religious Identity of Orthodoxy Youth]. *Social'naja psihologija i obschestvo*, 2016, vol. 7, no 2, pp. 35–50. DOI: [10.17759/sps.2016070203](https://doi.org/10.17759/sps.2016070203).

Klineckaja N. V. Molodiozh', zhiznenny uspeh, religija (po materialam sociologicheskogo issledovanija) [The Youth, Life Success, Religion (on the Materials of Sociological Research)]. *Nauchny rezul'tat. Serija: Sociologija i upravlenie*, 2015, no 3, pp. 24–28.

Lebedev S. D. Religioznost': v poiskah «rubikona» [Religiosity: searching for "Rubicon river"]. *Sociologicheskij zhurnal*, 2005, no 3, pp. 153–168.

Lebedeva N. M., Tatarko A. N. Cennosti i social'ny capital kak osnova social'no-ekonomicheskogo razvitiya [Values and Social Capital as the Basis for Socio-Economic Development]. *Journal of Institutional Studies*, 2010, no 2, pp. 17–34.

Mchedlova M. M. Sovremennye parametry vozvrashhenija religii: rakursy problem [Modern Parameters of the Return of Religion: the Perspectives of the Problem]. *Vestnik Instituta sociologii*, 2012, no 4, pp. 10–24. DOI: <https://doi.org/>.

Mchedlova M. M. Vlijanie religii na cennostnoe soznanie rossijan [The Influence of Religion on the Value Consciousness of Russians]. *Rossiyskoe obschestvo i vyzovy vremeni. Vol. 1. Ed. by M. K. Gorshkov. Moscow, Ves' Mir*, 2015, pp. 166–197.

Miagkov I. F., Scherbatykh Y. V., Kravcova M. S. Psihologicheskij analiz urovnia individual'noy religioznosti [Psychological Analysis of the Level of Individual Religiosity]. *Psihologicheskij zhurnal*, 1996, vol. 17, no 6, pp. 120–122.

Pruckova E. V. Sviaz' religioznosti i bazovykh cennostey v Rossii (po dannym «Evropeyskogo social'nogo issledovanija» i vsrossiyskogo issledovanija «Ortodox Monitor») [The Relationship between Religiosity and Basic Values in Russia (according to the data of the "European Social Research" and the All-Russian study "OrthodoxyMonitor")]. XVII April International conference of NRU HSE, 2016. Working papers.

Seniutkina O. N., Shimanskaja O. K. Religioznye cennosti v social'no-politicheskoj zhizni Rossii [Religious values in socio-political life of Russia]. *Sovremennaja Evropa*, 2015, no 3 (63), pp. 107–118. DOI: [10.15211/soveurope32015107117](https://doi.org/10.15211/soveurope32015107117).

Shamionov R. M. Gruppovye cennosti i ustanovki kak prediktory psihologicheskogo blagopoluchija russkikh i kazahov [Group values and attitudes as predictors of subjective well-being in Russians and Kazakhs]. *Psihologicheskie issledovanija: elektronny nauchny zhurnal*, 2014, vol. 7, no 35. URL: <http://www.psystudy.ru/index.php/num/2014v7n35/999-shamionov35.html> [date of visit: 12.05.2017].

Shemet I. S. Religioznost' i duhovnost' s pozicii koncepcii integracii psihiki [Religiosity and Spirituality from the Position of the Concept of Integration and Mentality]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovanija*, 2012, no 5. URL: <http://www.science-education.ru/105-6934> [date of visit: 12.05.2017].

Shorohova V. A., Huhlaev O. E., Dagbaeva S. B. Vzaimosviaz' cennostey i religioznoy identichnosti u shkol'nikov buddistskogo veroispovedaniya [Relationship between Values and Religious Identity in Buddhist Adolescents]. *Kul'turno-istoricheskaja psihologija*, 2016, vol. 12, no 1, pp. 66–75. DOI: [10.17759/chp.2016120107](https://doi.org/10.17759/chp.2016120107).

Sinelina J. Y. Novye tendencii v religioznom soznanii i povedenii rossijan [New Trends in Religious Consciousness and Behavior of Russians]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 18: Sociologija i politologija*, 2013, no 1, pp. 76–82.

Sinelina J. Y. Pravoslavnye i musul'mane: sravnitel'ny analiz religioznogo povedenija i cennostnyh orientacij [Orthodox Christian and Moslem Believers. Comparative Study of Religious Behavior and Value Orientations]. *Sociologicheskie issledovanija*, 2009, no 4, pp. 89–95.

Smirnov D. O. Religioznaja aktivnost' v strukture integral'noy individual'nosti [Religious Activity in the Structure of Integral Individuality]: avtoreferat dis. ... kand. psiholog. nauk: 19.00.01. Perm', Perm State Pedagogic University, 2001. 20 p.

Suchkova O. V. Metodika izuchenija social'no-psihologicheskogo svoystva lichnosti «religioznost'» [The methodology of Studying the Socio-Psychological Properties of the Person "Religiosity"]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Pedagogika i psihologija*, 2008, no 3, pp. 136–146.

Tarasova T. T. Religioznost' studencheskoj molodiozhi krupnogo polikonfessional'nogo goroda [Religiousness of Student's Youth of a Large Poly-confessional City]. *Vestnik Juzhnogo nauchnogo centra RAN*, 2014, vol. 10, no 4, pp. 80–84.